

Открытие сезона 1912/13 года 9 октября 1912 года пьесой „Перь Гюнтъ“

„Перь Гюнтъ“

Къ сегодняшней премьерѣ Художественнаго театра.

Сегодня на сценѣ нашего Художественнаго театра впервые на русскихъ подмосткахъ появится «Перь Гюнтъ» Ибсена.

Но даже и Западная Европа поставками «Перь Гюнта» не избалована. Онъ благодаря своей сложности — сравнительно рѣдкій гость сцены.

Первоначально «Перь Гюнтъ» даже вовсе не предназначался для сцены. Ибсенъ написалъ его въ 1867 году въ формѣ драматической повѣсти, не предназначенной для театра. Только въ 1873 году, уступая просьбамъ друзей, Ибсенъ переделалъ «Перь Гюнта» для сцены.

Григъ написалъ къ нему музыку.

И 24 февраля 1876 года «Перь Гюнтъ» получилъ боевое крещение въ огняхъ рампы. Это было на сценѣ театра въ Христианіи.

Только черезъ 10 лѣтъ, 15 января 1886 года, «Перь Гюнтъ» былъ поставленъ въ Копенгагенѣ, при этомъ театръ съ разрѣшенія автора сдѣлалъ кое-какія «приспособленія».

Опять промежутокъ въ десять лѣтъ, и «Перь Гюнтъ» въ 1896 году появляется въ Парижѣ на сценѣ Theater Nouveau.

Четвертой «исторической» постановкой является наша—Художественнаго театра. Мы даже опередили Германію, гдѣ полной постановки «Перь Гюнта» еще ждутъ.

Само содержание «Перь Гюнта», въ ослепленной схемѣ его, чрезвычайно просто.

Повѣса, отчаянный парень Перь Гюнтъ, задѣтый за живое отказомъ дѣвушки съ нимъ танцевать, похищаетъ со свадебнаго пира чужую невесту Ингридъ и бѣжитъ съ живою пошей въ горы.

Обезцѣпивъ, онъ ее бросаетъ.

— Знаешь ты, что головною мнѣ заплатишь за обманъ!—пугаетъ она его.

— Мнѣ все равно! — отвѣчаетъ Перь Гюнтъ.

— Почетъ, богатство ты со мной бы приобрѣлъ!—пробуетъ она его соблазнить.

— Самому дороже стоитъ!—дерзко бросаетъ онъ ей на это.

— Ты сманилъ!—пытается она тронуть его слезами.

— Ты поддалась!

И онъ уходитъ глубже въ горы. За нимъ погоня. Его объявляютъ вѣнъ покровительства закона.

Одна Сольвейгъ,—этотъ женственный изъ образовъ мировой повѣи,—слѣдуетъ за нимъ.

Въ сумерки зимняго дня она на лыжахъ пришла къ нему.

Пришла тогда, когда онъ только что кончилъ постройкой избушку, гдѣ могъ бы укрыться отъ стужи и свѣга.

Она не могла оставаться тамъ, въ долинахъ.

Твой первый зовъ передала мнѣ Гельга.

Потомъ его мнѣ повторялъ и вѣтеръ И тишина. Я слышала его

Въ разсказахъ матери твоей и въ сладкихъ

Мечтахъ, что тѣ рассказы навѣвали. И днемъ и ночью слышался онъ мнѣ, И не могла я не прийти. Померкла

Вся жизнь тамъ для меня. Я не могла Тамъ отъ души ни плакать ни смѣяться.

Не знала я, что въ мысляхъ у тебя, Но мнѣ что слѣдовало сдѣлать—

знала.

И Перь Гюнту уже рисуются картины счастья—какъ онъ будетъ ее, свѣтлую Сольвейгъ, носить на рукахъ.

Домикъ, который онъ выстроилъ, кажется ему слишкомъ бѣднымъ, слишкомъ жалкимъ для Сольвейгъ.

Мол паревла! Я ее намель! Завоевалъ! Такъ для нея теперь

Дворецъ, ея достойный, строить буду.

Но Перь Гюнтъ не идетъ къ счастью *прямой дорогой*. Великій лгуны и сказочникъ, онъ боится прямого пути и стремится всегда «обойти стороной», создавая въ оправданіе какія-то фантазіи и химеры. Въ душѣ онъ трусъ и, умѣя создавать въ умѣ картины яркихъ красокъ, онъ самъ же боится ихъ. Онъ видитъ вершины, но самъ онъ чело-вѣкъ дола, чело-вѣкъ толпы, чело-вѣкъ серединныхъ мыслей. Онъ понимаетъ, но не можетъ, не смѣетъ. И въ оправданіе себѣ создаетъ сказки и и упивается этой ложью. Купается въ ней. Самъ не замѣчая, что этотъ плащъ красной лжи прикрываетъ самый сѣрый будничныи эгоизмъ.

И пока онъ идетъ съ топоромъ въ чашу, чтобы выстроить дворецъ для Сольвейгъ, онъ уже пугается и въ самооправданіе трусливо рѣшаетъ, что недостойнъ ея.

Онъ бросаетъ топоръ, которымъ только что собирався строить дворецъ:

Святой сегодня вечеръ. Ея навстрѣчу Итти такимъ, каковъ я.—святотатство.

И онъ уходитъ «сторонкой», бѣжитъ, оставивъ въ избушкѣ ожидающую его Сольвейгъ.

Проходятъ десятки лѣтъ, но счастье «сторонкой» не дается въ руки Перь Гюнту. Онъ не находитъ его ни въ богатствѣ, ни въ приключеніяхъ, ни въ пальмовыхъ рощахъ Марокко, ни въ шатрахъ арабовъ, ни въ пляскѣ Анитры, ни у подножья сфинкса. Нигдѣ.

И, только вернувшись къ Сольвейгъ, все время ожидавшей его, онъ склоняетъ голову на ея колѣни и усталый за-сыпаетъ въ лучахъ восходящаго солнца.

Побѣдила любовь—*прямая*, гордая, не знающая преградъ и готовая на всѣ жертвы. Побѣдило начало женственности и подвига—Сольвейгъ.